

Владимир Нузов, "Чайка", Нью Джерси 16 сентября 2005 г.

Последую и я моде: поставлю послесловие на место предисловия, которое называется в журналистике "врезом". Автор данного "вреза" – не кто-нибудь, а Булат Шалвович Окуджава. Стихотворение, датированное 1994 годом, посвящено моему собеседнику и приурочено к его 50-летнему юбилею.

Знаком он по песенке старой,
и все-таки он не артист.
Он всем нам привычен с гитарой,
и все же он не гитарист.

Немало нам песен пропевший,
спящий еще не одну,
он физик, к стиху прикипевший,
ученый, влюбленный в струну.

Как впору ему этот свитер!
Как точен аккомпанемент!..
Он прежде всего – композитор,
но главное – интеллигент.

— Сергей Яковлевич, позвольте начать нашу беседу с печальной ноты: недавно умер ваш многолетний соавтор композитор Виктор Берковский. Что значил он в вашей жизни, в творчестве?

— Смерть Виктора для меня – большая личная потеря. Это наш с Таней старинный друг, было много счастливых моментов совместного творчества.

— Одна из лучших, на мой взгляд, ваших с ним песен – “Под музыку Вивальди...”

— Кроме того, мы с Витей много писали “по заказу”, хотя это всегда было движением души. Мы написали музыку к спектаклю “Мэри Поппинс”, который в Москве, театре имени Ермоловой, прошел более 1000 раз. Для Центрального детского театра мы написали музыку к пионерскому мюзиклу “Коньки” – на стихи Сергея Михалкова. Помните: “Шел трамвай десятый номер...” или “А что у вас?” Ну и одна из самых счастливых, что ли, наших совместных с Берковским работ – “Али-Баба и сорок разбойников”.

Вениамин Смехов сочинил либретто и пригласил нас написать музыку к этому радиоспектаклю. В Советском Союзе пластинка с "Али-Бабой" вышла тиражом в два миллиона экземпляров. Работа над этим спектаклем, к сожалению, длилась всего один год. Это, без преувеличения, был год счастья.

Виктор обладал необыкновенной жизненной энергией, он заражал окружающих желанием "жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытия". Он был, я бы сказал, человек игры. Он играл в спортсмена – был чемпионом Украины по плаванию. Играл в профессора – в конце концов, в России ему присвоили это звание после того, как в Индии он поработал профессором, будучи всего лишь доцентом Института стали и сплавов. Он играл в композитора – это была самая серьезная его игра. Он был непревзойденным мелодистом! Его жизненный темперамент, очень сильная харизма выражались в том, что его мелодии были заразительны, и я воспринимал их как явление природы. Настолько они были естественны! Поэтому его вариант "Гренады" совершенно играючи завоевал сердца миллионов людей. А ведь существует около 15 вариантов этой песни, написанной другими композиторами! О Викторе я могу говорить часами...

– Берковский, как и вы, – "физик, ушедший в лирики". Как вы считаете, вы оба достигли бы большего, если бы сразу, с детства, занялись музыкой?

– Я ни о чем не жалею, случилось так, как и должно было случиться. Если бы, не дай Бог, я пошел бы в музыкальную школу и так далее, многое в моей судьбе изменилось бы в нелучшую сторону. Формально у меня нет никакого музыкального образования, хотя я всю жизнь учусь. И всю жизнь общаюсь со многими замечательными музыкантами, учась у них. Еще я учился у великих: Рахманинова, Стравинского, у джазовых композиторов и музыкантов. Итак, мои истоки в классике, фольклоре и джазе. И во всех этих видах музыки у меня были, если можно так выразиться, виртуальные учителя. Моя учеба сводилась к практическому освоению произведений названных жанров. Если я слышал, например, какой-то гармонический ход у Рахманинова и не понимал, как он сделан, я обязательно должен был подобрать что-то на пианино или гитаре и понять, как это устроено. Только тогда успокаивался! Это и было мое музыкальное образование.

– А свою музыку, Сергей Яковлевич, вы можете записать нотными знаками или просите кого-то о помощи?

– В конце концов, что-то я изучил, и когда работал зав. музыкальной частью в театре Олега Табакова (зрители любовно называют его "Табакерка"), я мог записывать партитуры как это положено – нотными знаками. Правда, на помощь мне пришел компьютер: можно ведь наиграть мелодию, получив нотную запись сыгранной партии. В конце концов, умение записать музыку – это всего лишь техника, музыка рождается в

душе. И в голове.

— Но то, что рождено в душе или в голове, необходимо донести до слушателя в удобном для него виде...

— Вид, который в наибольшей степени отражает замысел композитора, — исполнение. Потому что кроме нотного текста как такового, там еще столько всего: авторская интонация, нюансы и тому подобное. Я много размышлял по этому поводу и хотел бы с вами этими размышлениями поделиться. Когда говорят о музыканте, композиторе, часто употребляют такие выражения: чувство мелодии, чувство гармонии, чувство формы. И все это, заметьте, чувства. Если этих чувств у музыканта нет, никакое знание техники не поможет. Но эти чувства можно развивать, и при этом большое значение имеет слуховой опыт. Мы с вами воспитаны в слуховом опыте европейской музыки, идущей от музыки средневековой, от темперированного клавира, который был придуман в эпоху Баха. И когда Бах познакомился с темперированным строем, он на радостях написал 24 произведения "Хорошо темперированного клавира". Я не буду отягощать вас подробностями, что такое темперированный строй (смеется). Дело в том, что дипломную работу на физфаке МГУ я делал по музыкальной акустике, то есть на музыкальной акустике я, можно сказать, собаку съел.

— То есть ваше физическое образование вам в чем-то даже помогло?

— Мне становится смешно, когда журналисты противопоставляют физиков лирикам и наоборот. Все едино! Возвращаюсь к слуховому опыту. Мой слуховой опыт лежит, как я уже сказал, в области классики: Чайковский, Рахманинов, Стравинский, Шостакович, Шнитке, русский фольклор, фольклор других стран и джаз: американский и советский. Я знаком со многими нашими джазовыми музыкантами, они мои друзья: гитарист Алексей Кузнецов, саксофонист Алексей Козлов. Мне посчастливилось не только общаться, но и играть с ними. Поэтому внимательный, чуткий слушатель найдет в моей музыке все упомянутые влияния.

— Вами написана музыка к сотням стихотворений, в основном, русских и российских поэтов. Этот источник исчерпаем?

— Для меня — нет, на мою жизнь хватит (смеется).

— На вашем интернетовском сайте рядом со строчкой Пастернака "Мело, мело по всей земле..." стоят слова: "Песня закрыта". Поясните, пожалуйста, Сергей Яковлевич, что это значит?

— Это значит, что песня закрыта по воле автора. Однажды мне показалось, что песня на великие стихи Пастернака получилась. И я даже где-то в Мурманской области спел эту песню. Потом каким-то чудесным образом эта запись появилась даже в Интернете. А мне показалась, что

удача в этот раз не пришла, я попросил песню закрыть.

– На эти стихи написана, мне кажется, не одна мелодия...

– Да, кто только не пробовал написать музыку на "Свечу"! В том числе – Алла Борисовна Пугачева. По одному из российских каналов часто крутили соответствующий видеоклип. Я бы этот клип в учебных заведениях музыки или культуры демонстрировал как высший образец пошлости и искажения авторского замысла. Был бы я родственником Бориса Леонидовича, я бы подал на авторов этого клипа в суд (смеется).

– Предмет судебного разбирательства?

– Искажение авторского замысла, а именно низведение произведения искусства до уровня ширпотреба низкого сорта.

– Проект "Песни нашего века" был весьма успешен, я дважды побывал на концертах бардовского ансамбля в Соединенных Штатах. Вы в нем, кажется, тоже участвовали... Проект продолжается?

– Сейчас в коллектив "Песен нашего века" входят братья Вадим и Валерий Мишуки, Алексей Иващенко, Дмитрий Богданов, Александр Мирзоян, Костя Тарасов, Галина Хомчик и Елена Фролова. Лена Фролова – новичок ансамбля, очень талантливый человек... С этим коллективом мы пишем пластинку песен Виктора Берковского, сейчас самый разгар работы. Я не мог остаться от нее в стороне, так как, мне кажется, я наиболее близко и глубоко знаю творчество Берковского. Кстати говоря, завтра, в субботу, в Переделкине состоится День Колокольчика в доме-музее Булата Окуджавы, и многие участники Песен Нашего Века будут в нем участвовать. А вечером того же дня на Николиной горе, то есть под открытым небом, состоится джазовый вечер, в котором я буду принимать участие как исполнитель: спою две свои песни, написанные под влиянием джаза, и что-то из так называемых "джазовых стандартов".

– Какую из ваших песен вы сами любите больше всего? И какая пользуется наибольшей популярностью? Совпадение обеих необязательно, правда?

– Трудно выделить одну песню. Давайте я назову пять-шесть любимых, хорошо? В данном случае я завидую человеку, которому удалось это сочинить (смеется). Потому что процесс сочинения музыки долгий, кропотливый, мучительный. Итак, вот эти песни: "Переведи меня через майдан", "Брич Мулла", "Когда мы были молодые", "Александра" и названная вами "Под музыку Вивальди". Эти же песни просят исполнить на всех наших с Таней концертах, ну еще "Резинового ежика". Стоп, я забыл назвать песню на стихи Давида Самойлова "За городом" и песню на стихи Бориса Рыжего, начинающуюся словами "Над домами, домами, домами голубые висят облака..."

– Для меня это совершенно новое имя, Сергей Яковлевич...

– Этим поэтом мы все увлечены в последнее время. Он родился в 1974 году в Екатеринбурге и в 27 лет, к сожалению, покончил с собой. Оставил драгоценное наследство: стихи, статьи, прозу. Его привечали Александр Кушнер и Евгений Рейн, в Голландии присудили очень престижную в поэзии премию "Антибукер". Держишь в руках его книжку и чувствуешь себя богатым человеком, потому что хочется петь буквально каждое второе его стихотворение. Не могу не сказать также о цикле песен на стихи Арсения Тарковского. Это самое дорогое и серьезное для меня из моих последних занятий. Правда, песни на стихи Тарковского еще не стали популярны, хотя частенько на концертах просят исполнить "Сон о Марии", "Пляшет перед звездами звезда" и другие.

– Если я не ошибаюсь, вы были знакомы с Арсением Тарковским, Булатом Окуджавой, Давидом Самойловым, Юрием Левитанским, другими замечательными поэтами. Воспоминания о них напишете?

– С Арсением Александровичем я не был знаком, а с другими посчастливилось встречаться. К сожалению, мы с Татьяной были глупыми людьми, не понимали, как говорится, ценности исторического момента (смеется). Очень уж мы легкомысленно относились к многочисленным встречам с этими и другими выдающимися людьми. Нужно записывать по горячим следам! По прошествии многих лет в собственной памяти многое искажается. Мне стало немножко стыдно, когда в воспоминаниях Лидии Корнеевны Чуковской я прочитал о том, как однажды, после общения с Анной Андреевной Ахматовой, она пришла домой и стала в подробностях рассказывать отцу о том, как все было, кто что говорил. Корней Иванович внимательно выслушал дочь, в некоторых местах смеялся, а потом сделался серьезным и спросил ее: "Надеюсь, ты это все записала?" Лидия Корнеевна ответила: "Ну, разумеется, папа!" Мы всего этого, повторяю, не делали, а ведь общались и с Ростиславом Яновичем Пляттом, и с Юрием Владимировичем Никулиным, и с Окуджавой, и с Давидом Самойловым. Кое-что мы написали, но это несоразмерно тому, что могло бы быть.

– Но, надеюсь, не все еще потеряно...

– Наверное, нам с Татьяной нужно как-нибудь сесть и, отрешившись от всего, устроить друг другу перекрестный допрос по поводу, например, Окуджавы. Не соглашаясь друг с другом, можно выявить, что же было на самом деле.

– Сколько лет дуэту Татьяны и Сергея Никитиных?

– Мы поем вместе чуть-чуть больше того времени, что мы женаты. Дело было так: группа младшекурсников МГУ попросила меня поруководить их певческим кружком. Дело кончилось тем, что я стал петь вместе с ними,

образовался квинтет физиков, в который входила Татьяна. Это было в 1967 году. А чуть позже внутри квинтета образовался дуэт, то есть некоторые песни мы пели с Таней вдвоем. А когда лет через семь или восемь квинтет по техническим причинам прекратил свое существование, мы продолжили петь вдвоем и поем до сих пор.

– Кажется, ваш дуэт выдержал все испытания...

– Вы хотите спросить: в разводе мы или нет? Не дождетесь! (Смеется).

– Как вы относитесь к своей славе, Сергей Яковлевич?

– Я про это мало что знаю. Наверное, есть некоторая известность, а слава была у Чарли Чаплина, у Юрия Никулина. Иногда где-нибудь в метро я замечаю, что люди меня узнают. Но слава Богу, наши слушатели, то есть те, кто нас немного знает, – люди, как правило, интеллигентные, деликатные. Надеюсь, в этом немного “виноваты” и мы с Таней. Никакого беспокойства наша известность нам не доставляет. Когда люди просто подходят и говорят добрые слова, извиняясь при этом, поверьте мне, это очень легкая ноша.

– Ваш сын живет в Америке. Часто с ним видитесь?

– Нашей внучке два с половиной года, в связи с чем мы с Таней частично живем в Америке: работаем бабушкой и дедушкой, давая возможность родителям отлучиться из дома. Сын женат на американке, ее зовут Мэри-Бэт, она выучила русский язык, мы ее очень любим.

– Иногда Александр выступает в ваших с Татьяной концертах...

– Он играет на гитаре раз в десять лучше меня. Просто еще не научился как следует применять это умение (смеется). По образованию он филолог, в настоящее время – аспирант Стэнфордского университета, готовится к защите докторской диссертации на тему о футуристах: русских, итальянских и французских.

– Никогда не возникало мысли оказаться с сыном в одной стране?

– В этом нет никакой проблемы. Мы 30 процентов времени проводим в вашей стране. У нас этот вопрос остро или трагично не стоит. Хотим мы проводить время в Америке – проводим, а когда нас зовут российские дела, возвращаемся в Россию.

– То есть на две страны жить лучше?

– Мы живем даже на три страны, потому что Татьяна приблизительно половину своего времени, остающегося от Америки, проводит в Италии. Когда лет десять назад она подорвала свое здоровье на должности

замминистра культуры России, наши итальянские друзья пригласили ее туда – поправить здоровье, немножечко, как говорится, “отмокнуть” и поработать. По-итальянски она “шпарит”, как по-русски – для меня это музыка. Таня работает в некоей фирме, занятой адвокатскими делами и торговлей, в частности, с Россией. Таня у них как раз эксперт по России. Да и ее английский лучше, чем у многих итальянцев. Кроме того, она занимается арт-бизнесом: много лет устраивает в Европе выставки замечательного художника, живущего в вашей стране, Михаила Туровского.

– Мир тесен, Сергей Яковлевич! Миша – мой большой старший товарищ...

– Ну, а Таня устроила его вернисаж в Мадриде, потом четырехмесячную экспозицию на биеннале в Венеции. Миша – прекрасный человек, философ, остроумец, я после общения с ним обязательно что-нибудь сочиняю.

А еще у нас бывают гастроли во Франции, Германии, Англии, Австрии, а в конце сентября мы в очередной раз собираемся в Израиль. Вот до Австралии никак не доберемся, хотя приглашают...

Так что наш дом – Земной шарик. Точнее, его часть, которую принято называть христианским миром.

– Последний вопрос, Сергей Яковлевич. Когда мы увидим и услышим вас с Татьяной в Америке?

– В ноябре нынешнего года. Ждем на наших концертах всех, кому по душе наше творчество, в том числе – читателей журнала “Чайка”!